

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПОРОЖЬЕ XVIII ВЕКА

В. Голобуцкий

В освободительной борьбе украинского народа против владычества Литвы и Польши, с одной стороны, и против хищнической агрессии Крымского ханства и Турции — с другой, запорожское казачество сыграло выдающуюся роль. На протяжении столетий Запорожская Сечь была центром притяжения всех недовольных феодально-крепостнической эксплуатацией, национальным и религиозным гнётом. Огромную услугу оказало Запорожье национально-освободительному движению в период восстания Хмельницкого; «Колывщина» запечатлела участие запорожского племса в борьбе правобережного крестьянства против шляхетской Польши. С огромной силой художественного вдохновения роль Запорожья отражена в устном народном творчестве, в произведениях Шевченко, Гоголя и др. Значительное место история Запорожья заняла и в науке.

История Запорожской Сечи изучается уже более ста лет. Большое внимание Запорожью уделили дворянские и буржуазные историки: А. А. Скальковский, А. Я. Ефименко, В. Б. Антонович, Д. И. Эварницкий, М. С. Грушевский и др. В советский период вышел ряд работ, посвящённых истории Запорожской Сечи. Однако и до настоящего времени советская историография не знает цельного и стройного учения о Запорожской Сечи. Исследователи уделяют по преимуществу внимание двум вопросам истории Новой Сечи: борьбе Запорожья с российским самодержавным правительством из-за территории и упалку демократических форм внутреннего управления. Вопрос о характере производственных отношений на Запорожье ставится неясно и решается неправильно.

Запорожская Сечь многим современным исследователям всё ещё представляется неким «Ханааном» для крепостного украинского крестьянства, счастливой «Утопией» в мире царящего социального зла, исторический образ запорожского казака часто тенденциозно затягивают романтической дымкой. Это последнее свойственно главным образом тем авторам, которые ещё не освободились от принципов, культивировавшихся украинской буржуазно-националистической «школой» М. Грушевского.

Настоящая работа представляет попытку определить социальную роль сиромы (гольфы) накануне падения Запорожской Сечи и подойти, таким образом, к вопросу о характере производственных отношений, складывавшихся и приобретающих господство на Запорожье в предпоследнюю четверть XVIII века. При разработке этого вопроса мы привлекли ряд новых документальных данных.

Военным и административным центром Запорожья была Сечь, находившаяся в последний период своего существования на

р. Подпольной. Она состояла из крепости и предместья — Гасан-баши. Внутри крепости, вокруг площади, было расположено тридцать восемь куреней. Это число, по аналогии с черноморскими куренями, можно признать точным. В крепости находились дома войсковой старшины, хозяйственные службы и учреждения административного и военного назначения. Вход в Сечь, в место расположения гарнизона, как известно, был, по исконному обычаю, категорически запрещён женщинам. Гасан-баша являлся бойким торговым и промысловым пунктом, население которого состояло, с одной стороны, из запорожцев-ремесленников и торговцев, с другой — из разного торгового люда, в том числе армян, татар, евреев и т. д. Массу сечевого гарнизона составляли казаки — рядовые и старшина. Последняя избиралась на радах. Выборное начало, впрочем, уже постепенно сводилось на нет к концу существования Сечи и заменялось практикой назначения, а коллегиальные формы управления сменялись единоначалием. Численность сечевиков не поддаётся точному определению. Большинство авторов личный состав Сечи считает текучим. Особых препятствий для выхода из сечевого гарнизона не существовало. Количество сечевиков колебалось от нескольких сот человек до нескольких тысяч, в зависимости от разных обстоятельств. А. А. Скальковский считает, что численность «товариства», исключая поселян и семейных казаков, после перехода весной 1734 г. под власть России доходила до 10 тысяч вооружённых человек. Число это возросло к кануну разрушения Сечи до 22 тысяч¹. В другом месте он говорит, что в 1762 г., при вступлении Екатерины II на престол, присягало около 18 тысяч сечевиков².

Современник Сечи инженер-поручик князь С. Мышецкий, живший в Запорожье с 1736 по 1740 г., так описал запорожцев: «Войско их разделяется житием своим на разные части. Первое житие своё имеют в войсковых куренях, при присутствии своего атамана, оные ж и пищу свою и для их услуг кухареи имеют, при том курене, таким образом. В каждом курене у них кухарь имеется один... он же токмо что варит на всех казаков, сколько оных в курене не будет... И готовитца им пища такая, по их названию: соломаха, которая варитца из муки с водой густо; а другое у них готовитца кушанье, по их названию прозывается — тетеря, варитца из муки и пшена не очень густо, на квасу или на рыбной поливке; а муку и пшено покупа-

¹ Скальковский А. «Опыт статистического описания Новороссийского края». Ч. II, стр. 220—221. Од. 1893.

² Скальковский А. История Новой Сечи». Т. I, стр. 52. Од. 1846.

ют на куренные деньги. А которые покупают рыбы или мяса, то покупают артелью, а прочие вышеописанные соломахой и тетерею довольствуются. Печёного обыкновенного хлеба никогда в курнях у них не имеетца³. От этих казаков, по словам автора, резко отличались другие группы запорожцев, живших вне Сечи, т. е. собственно не принадлежавших к гарнизону. Другая группа, следуя порядку автора, проживала «в форштатте своими домами»⁴, т. е. в Гасан-баше, и занималась ремёслами и торговлей: варила мёд, пиво, брагу, шинковала, продавала красный товар и т. д. «Они пищу в курнях не имеют, а всяк от своего промысла питаецца... доброу пищу и обыкновенным хлебом»⁵. Третьи «живут в зимовниках для своих лошадей и прочего скота»⁶. Четвёртые «живут для ловли рыбы, зверей и птиц; также имеют многие пчельники, и пищу имеют всяк от своего промысла»⁷.

Сечевики жили в курнях. Термин «курень» имел четыре значения. Во-первых, это казарма, где жили сечевики со своим куренным атаманом. Во-вторых, это хозяйственная организация, располагавшая подсобным хозяйством в виде куренных зимовников, разными хозяйственными приспособлениями наподобие военных цехгаузов с запасами вооружения, продовольствия, одежды и т. д. Курень регулировал хозяйственную деятельность сечевиков, организовывал питание, делил добычу и т. д. В-третьих, курень — военно-административная единица, представленная определённым личным составом как в мирное, так и в военное время. В последнем случае курень входил в состав более крупных сбединений или давал своих людей в более мелкие отряды и команды. Казаки куреня делились на два разряда: на наличный состав, представленный сечевиками, и резерв. В последний входили казаки, жившие вне Сечи, т. е. все остальные из числа упомянутых С. Мышецким последних групп. Приписанный к куреню резерв привлекался для отбывания воинских и хозяйственных повинностей. Эти казаки обязаны были являться в конном или пешем строю для участия в кампаниях, для несения сторожевой пограничной или внутренней, административной службы. По нарядам они заготавливали сено, лес для войсковых построек, сооружали гати, мосты, несли подводную повинность. На них же возлагалась тяжёлая повинность воинского поста и др. Таким образом, на действительной службе находились только сечевики. В-четвёртых, курень был судебным органом первой инстанции для сечевиков. Впрочем, судебная власть принадлежала не ему, а выборному представителю и главе — куренному атаману.

В классовом отношении сечевики делились на непримиримые группы. Военная и

хозяйственная администрация разных ступеней и наименований, носившая общее название старшины, состояла из крупных собственников. Кроме получаемого повышенного по сравнению с рядовыми сечевиками денежного жалованья она официально обращала в свой доход часть поступлений от войскового хозяйства. Она же владела движимым и недвижимым имуществом вне Сечи: зимовниками, рыбными промыслами, табунами лошадей, стадами скота; ссужала деньги в рост, торговала и т. д. Почти все сочинения по истории Сечи упоминают таких собственников, как кошовый Калышевский, полковник Афанасий Колпак и др. Непереизбранная на очередной срок старшина переходила в разряд «стариков», «знатных товарищей», «почётных товарищей», которые противопоставлялись «меньшим», рядовым сечевикам. Старшина пользовалась преимущественными правами при занятии земли, при эксплуатации различного рода предприятий, например, мельниц, и в некоторых других случаях. Прекращая службу, она превращалась в «абшитованную», т. е. числилась в отставке.

Уяснить тип рядового сечевика представляет большую сложность. Прежде всего необходимо уточнить способы и источники комплектования куренного состава. Основным резервом, на основе которого комплектовался курень, были беглецы, разный пришлый на Запорожье люд и беднота туземного происхождения, искавшая в сечевой жизни не столько условий для военных подвигов, сколько хлеба пашущего. Основные кадры беглого и просто пришлого люда поставляли соседняя Гетманщина и Правобережная Украина. На Запорожье, однако, попадали и выходцы из великороссийских губерний, с Дона, из турецких провинций и т. д. Кроме господствовавшего украинского элемента на Запорожье были великоруссы, турки, татары, армяне, молдаване и евреи. О бегстве на Запорожье говорят официальные и частные документы и многие авторы. Так, Г. Ф. Миллер, представивший накануне разрушения Сечи записку И. И. Панину, писал: «Всё их войско совершенно собирается по договору и обману из малороссиян», «из зашедших к ним из Малороссии мужиков и занятых от Екатеринбургской и Елисаветградской провинций людей, завели разные большие поселения», «да и не только малороссиянам, но и великороссийским и даже из военнопленных беглецам дают свободное убежище и укрывательство»⁸. Некоторые авторы, подчёркивая враждебное отношение Миллера к запорожцам, склонны были обвинять его в преувеличениях. Мы располагаем свидетельством более раннего, чем Миллер, современника Запорожья, иностранца Боплана, отзывавшегося о казаках с чувством нескрываемого восторга. Он писал: «Многие от рабства спасаются бегством; сме-

³ Мышецкий С. «История о казаках запорожских», стр. 52. Од. 1852.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Миллер Г. «Краткий вып. о малороссийских народах и Запорожье». «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1848. № 6, стр. 73—74.

лейшие уходят в Запорожье — главный притон казаков на Днепре»⁹.

Бегство из Правобережья в Запорожье приводило к дипломатическим трениям между польским и русским правительствами, в особенности после того, как на Правобережье развернулось гайдамацкое движение. Постоянный отлив населения из пределов империи очень раздражал как украинских, так и великорусских помещиков. Правительственные власти и гетманские органы управления стремились сдержать этот поток, в частности путём применения особых полицейских мер на территории Запорожья. Гетман Разумовский 5 декабря 1755 г. из Петербурга в порядке на имя кошевого атамана Г. Фёдорова (Лантуха) писал о необходимости ввести строгую регистрацию не только для всех казаков, но переписать и всех остальных, выдать им паспорта. Устанавливая порядок регистрации в целях надзора, ордер главное внимание обращает на беглов: «А особливо из великороссийских всякого звания сумнительных людей в зимовники и другие жилища не принимать и не держать»¹⁰. Сервильная запорожская старшина в 50—70-х годах XVIII в., т. е. до и после «Колывизины», не раз принимала меры противодействия притоку беглов. 9 августа 1770 г., например, кошевое начальство писало атаману Пластуновского куреня Третьяку: «О бродягах же и других без паспортов шатающихся сумнительных людях... всемерно стараться пересматривать и ловить»¹¹. Принимаемые меры, однако, были безрезультатны. А. Скальковский в связи с этим замечает, что старшина не в силах была ни сдержать «сиромашную голоду», «ни остановить разношёрстной голодобы, наглывавшей в Сечь с обеих Украин, Подолий, Полесья, Белоруссии и даже с берегов Дуная от волохов, сербов, арнаутов и др.»¹².

О постоянном, продолжавшемся столетия движении люда из Украины на Запорожье много писал епископ Феодосий. К его труду, кстати, прибегали все позднейшие авторы. Основание крупных и мелких поселений на Запорожье он подтверждает множеством любопытных, хотя и однообразных документов. «С 1670 г. в спокойное время, ежегодно, раннеею весною, люди малороссийской нации из-под Кременчуга, из-под Кобеляк и Келеберды, со всем семейством, с домовством и хозяйством своим приезжали на уроч. Троицкое и, пользуясь всеми богатствами естественных произведений... занимались скотоводством и земледельством»¹³.

При этом многие оставались здесь навсегда. Документы, отражающие подобное явление, приводит и Д. И. Эварницкий. В Запорожье к концу его существования притекала часть украинского, земледельческого по преимуществу, населения в поисках дополнительного заработка: «Весною приходят до зимовчан родственники и знакомые из Малой России и Польской Украины, которые до зимы у них живут, помогая работою, а на зиму возвращаются в дома с работными деньгами или запасом»¹⁴. Большинство выходцев на Запорожье бежало сюда, спасаясь от ужасающей крепостнической эксплуатации на Правобережье и от усиленного закрепощения посполитых и реестрового казачества в Гетманщине. Тягу обездоленной крестьянской массы на Запорожье прекрасно отразили народные песни. Уход за Запорожье в поисках воли, счастья и героических подвигов запечатлён и в произведениях Т. Шевченко.

Со своей стороны, запорожцы принимали меры к увеличению населения. В последний период существования Сечи эти усилия приняли характер обдуманной системы и привели к роковым для Запорожья столкновениям с самодержавным правительством. Вопрос этот в литературе достаточно освещён. Мы остановимся поэтому лишь на одной мало выясненной частности. Запорожские казаки разными способами увозили к себе детей. А. Скальковский упоминает о случаях крещения пленных мальчиков-мусульман и превращения их впоследствии в казаков¹⁵. Д. Эварницкий также приводит подобные факты¹⁶. А. Скальковский подчёркивает при этом, что запорожцы добывались своей системой воспитания превращения новообращённых в фанатиков по образу янычар.

Отмечен в литературе и своз детей на Запорожье как самими казаками, так и украинскими чумаками. Мотивы этого Д. Эварницкий склонен был объяснить психологией неженатого «лыцаря», тоскующего по семье. Увоз детей на Запорожье, а позже на Кубань, в Черноморию, подтверждается также документами, извлечёнными нами из архива Черноморского казачьего войска. В докладном регистре Гражданской экспедиции Черноморского Войскового правительства от 20 мая 1793 г. приведён доклад полкового старшины И. Носенко. Старшина показал, что он родился в Переволоченской сотне Прилуцкого полка от отца-казака; после смерти родителей, в малолетстве, «завезён обращающимся в чумацком промысле малороссиянином Василием Харченком бывшего Запорожского войска в Сечь»¹⁷. В регистре от 23 апреля

⁹ Боплан Г. «Описание Украины», стр. 9—10. СПб. 1832.

¹⁰ «Киевская Старина» за октябрь 1885 г., стр. 284.

¹¹ Новицкий «Материалы для истории. Зап. Каз.» «Летопись Екат. уч. Арх. К-сии». Вып. 5-й, стр. 24. Ек-слав.

¹² «Киевская Старина» за октябрь 1885 г., стр. 316.

¹³ Феодосий «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии». Вып. 1-й, стр. 205—206. Ек-слав. 1882.

¹⁴ Мышецкий С. Указ. соч., стр. 81—82.

¹⁵ Скальковский А. «История Новой Сечи». 1, 8-й раздел.

¹⁶ Эварницкий Д. «История запорожских казаков». Т. II, стр. 392. СПб. 1892—1897.

¹⁷ Краснодарское Краевое Архивное управление (ККАУ), ф. 250, св. 17, д. 60.

1798 г. изложен допрос казака Деревянковского куреня Ивана Яблони. Он показал, что родился в Киеве «от отца Кушнерского цехмистра Тимофея Яблони... при коих (родителях) воспитавшись до пятилетнего возраста приездившим в г. Киев для поклонения Запорожского войска козаком Саввою Самодригою взят и завезён к речке Ингульце»¹⁸. Черноморец Арциборзинский был завезён из Киева на Запорожье запорожцем Челюмбием в 12-летнем возрасте¹⁹. Таких примеров можно привести множество. Подобное явление, повторяем, продолжало бытовать в Черноморском войске в конце XVIII и начале XIX века. Экономический смысл этого явления раскрывают нам многие документы. Например, один из них свидетельствует, что казак Шкуринского куреня Павел Головка, родившийся в местечке Пятигорском, в Польше, «от отца, зашедшего туда из прежних запорожцев, Ивана Головка и матери Наталки, которыми воспитан до 15 лет, и в том возрасте приездившим туда для продажи рыбы отцовым родным братом, а его дядею войска Запорожского козаком Степаном Шостаком взят и завезён в Запорожье, при котором он находился два года в услужении, от которого отошедши служил в тамошних разных козаках до разрушения Сечи»²⁰. Казак Леушковского куреня Пётр Деревянченко, как свидетельствует другой документ, родившийся в слободе Даниловке, Галицкого полка, от казака, в 15-летнем возрасте был уведён запорожцем, впоследствии черноморцем, Дмитрием Скакуном, «в бывшее войско Запорожское. Находился прежде во оною Скакуна во услужении»²¹. Допрошенный 19 октября 1795 г. в присутствии Войскового правительства, Скакун подтвердил, что черноморец Пётр Деревянченко «во время его Скакуна бытности в службе в бывшем войске Запорожском был у него в работниках лет пятнадцать»²².

Многие из таких завезённых потом поступали в Сечь. Черноморец Демьян Зуб на допросе в 1798 г. объяснил, что он был завезён на Запорожье из Лубенского полка в 11-летнем возрасте и позже, «ревнуя предкам своим», записался в то войско в курень Джерелиевский»²³.

Люд, попадавший на Запорожье, был весьма разношерстным. Значительная часть пришельцев располагала единственным достоянием — руками, способными держать не только пастуший кнут или ручку плуга, но также саблю и копьё. Часть пришельцев поступала в Сечь.

Д. Эварницкий называет пять условий, которым должен был удовлетворять вся-

кий, желавший стать казаком. Первое условие — «быть вольным и неженатым человеком»²⁴. В современной нам литературе в этом вопросе нет единомыслия. Одни авторы²⁵ склоняются к тому положению, что в запорожцы могли попадать только реестровые казаки и их сыновья из Гетманщины; «мужикам» же не было места в военной организации Запорожья. Другие, как, например, М. Слабченко, считают, что приём в Сечь был очень сложной процедурой и вступающий должен был пройти ряд ступеней своеобразного искусства: последовательно он должен был некоторое время состоять учеником — «джурой», потом «молодиком», или «малюком», и лишь после этого, выдержав испытание, длившееся несколько лет, мог записаться в казаки²⁶. «Джура» проходил выучку под началом опытного казака. Определяя положение ученика, М. Слабченко говорит, что «джура» — не слуга, но и не пайщик в добыче своего атамана, он не только служит, но и учится²⁷. Этот автор отношения между «джурой» и наставником облекает густой пеленой рыцарской романтики. Он пишет: «З ідеї батьківських відносин виходила єдність не тільки спеціальности Військової справи, а й одність духу, поглядів, смаків, вивувань. Хто не поділяв останні, того ще приплескали й до першої». Не кинувши «ветхого человека» в предмьіях Січі, не можна було стати козаком, народитися в нове життя, стати часткою єдиного куріньового тіла»²⁸.

Замечу, кстати, что именно предместье Сечи — Гасан-баша — и было средоточием «ветхого человека». Там шла бойкая торговля, там продавал, принимал в залог, шинковал оборотистый и юркий запорожец-торгаш, приписанный к тому же куреню, куда вступал «чистый духом» неопит. Характерно, что М. Слабченко, один из эрудированных исследователей, знакомый к тому же с Запорожским архивом, при решении этого вопроса обращается к доводам, совсем не убедительным. Во-первых, он опирается на рассуждения А. Скальковского. Склонность же последнего к трактовке социальных категорий Сечи в духе шляхетской, рыцарской идеологии вполне очевидна. А. Скальковский в «джурах» и «молодках» видел запорожских пажей²⁹. Во-вторых, М. Слабченко приводит в качестве доказательства «Думу» о казаке Безродном. По существу этого довода необходимо заметить, что «Дума» о Фёдоре

²⁴ Эварницкий Д. Указ. соч. Т. I, стр. 184.

Кириченко «Соціально-політичний устрій Запоріжжя», стр. 94.

²⁵ Кириченко М. «Соціально-політичний устрій Запоріжжя», стр. 94. X. 1931.

²⁶ Слабченко М. «Соціально-правова організація Січі Запорізької», стр. 234. Праці Комісії для вивчів історії зах-руськ. та укр. права. Укр. Акад. наук. Вып. III. К. 1927.

²⁷ Там же, стр. 233.

²⁸ Там же, стр. 235.

²⁹ Скальковский А. «История Новой Сечи». Т. I, стр. 93.

¹⁸ ККАУ, ф. 250, св. 16, д. 59.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, св. 5, д. 21, стр. 93. Протоколы допросов, производившихся черноморскими властями в связи с разными правонарушениями, содержат интересный материал для социальной характеристики запорожского и черноморского казачества.

²¹ ККАУ, ф. 250, св. 8, д. 31, л. 111.

²² Там же, л. 35.

²³ Там же, св. 18, д. 61.

Безродном создана в более ранний период запорожской истории и не может служить материалом для иллюстрации институтов Новой Сечи. Представление о «молодик» у М. Слабченко не отличается ясностью. В одном случае автор заявляет, что «молодик», проявивший себя неспособным, не мог стать казаком³⁰. В другом — утверждает, со ссылкой на А. Скальковского, что при старшинах собиралось по 30—50 «молодигов», состоявших из молодых казаков, уже записанных в курень. Такие «молодики» были и при всяком старом казаке³¹.

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы имеем право зайти несколько вперед и обратиться к институтам Черноморского казачьего войска. Нужно отметить, что уже в 80—90-е годы XVIII в. в Черноморском войске нельзя было найти ни малейших намеков ни на ученичество, ни на институт «молодигов». В Новой Сечи термины «джура», «хлопец», «молодик» являются архаическими, прикреплёнными к новым, сложившимся или складывавшимся социальным категориям.

Старожил с. Алексеевки, Елисаветградского уезда, К. Еременко в молодости пришёл из Киевщины на Сугаклю и поступил к жившим здесь запорожцам «за хлопца»³². Казак Т. Тарасенко, полав в детстве в Сечь, жил в Батурином курене «во услужении у атамана пять лет»³³. Некто Хмельниченко, доставленный Павлоградским нижним земским судом в 1799 г. в уголовную экспедицию Черноморского казачьего войска, на допросе показал, что родился в Польше, в имении кн. Любомирского Христище, и в 13-летнем возрасте был завезён «идущим... по чумацкому промыслу бывшего войска Запорожского куреня Платнирковского козаком Василием Кривецким в Громоклюе, где и проживал в зимовнику козака Осипа Ткачика (кой ныне его войска майором) лет с шесть, а потом получа долговременную плату по отходе от него находился в заработках в разных козаков двадцать лет»³⁴. Черноморский казак Восторинского куреня Игнат Белавский, родившийся в Борзенской сотне Нежинского полка «от отца той сотни дьячка», после смерти отца, в 8-летнем возрасте, отдан был матерью в Киев для обучения грамоте, откуда по прошествии 5 лет «пошёл в бывшее войско Запорожское для продолжения службы, в коем обращался во услужении по разным людям более 20 лет»³⁵. Черноморец Самойло Белый родился в Лубенском повете, в казачьем селении Свиридовке, от «тамошнего жителя», жил при родителях до 10 лет, «а в том возрасте поехали со отцом по промыслу в Сечь бывшего Запорожья, где по договору от куреня Тимошевского козаком Андреем Вербицким в него остался, жил лет 13,

а после того, когда от него отошёл, в селении стоящем на устье Суры Волоском проживал в козака ж Алексея Стриги лет десять, а от него отошедши в город Кизе-кермен был по найму в работниках»³⁶. Ещё более выразителен следующий документ. Черноморский казак Шкуринского куреня Онисим Лялим в прошении на имя Войскового правительства от 9 августа 1794 г. писал: «Находился я в бывшем войске Запорожском с малых лет в курене Шкуринском, а когда припал в совершенстве лет, то по наряду был в Крымском походе за козака куреня Шкуринского Григория Хижу»³⁷.

Простые люди, лишённые казунистических навыков, рассказывая свою биографию, передавали дело по существу. Быть работником у казака как в период существования Сечи, так и во время её юридического небытия для них было состоянием тождественным. «Малороссынянин» Алексей Татаринцев в 1798 г. в прошении на имя Новороссийского губернского правления о причислении его к слободе Волошской, Новороссийского уезда, писал: «Трицать пять с лишним лет тому назад он завезён в малолетстве запорожцами в бывшую Сечь из Малоросс. губернии Роменского у. с казённого села Засулье, где и служил он у разных казаков до разрушения Сечи, а после разрушения также был в услужении на Самоткани у разных козаков лет пять», а позже на рыбных ловлях и т. д.³⁸. Яков Чёрный в 1753 г. показал, что он «находился в Запорожской Сечи чрез девять лет у разных куреней у козаков с найму скотину пас, рыбу ловил, в Крым для покупки и привозу в Сечь соли ездил»³⁹. Гайдамак, запорожец Минского куреня Савка Таран, родившийся в Лубенском полку, в возрасте около 18 лет зашёл с чумаками на Запорожье «и, прибыв до Сечи, явился в курень Минской... от времени приходу на Запорожье, при разных козаках служил, чумаковал и по реке Богу в рыбной добычи находался»⁴⁰.

Отсюда следует, что быть в курене отнюдь не означало состоять в высшем духовном родстве с себе подобными. Вышеупомянутый Онисим Лялим ходил в поход за Хижу не вследствие духовного родства с последним, а повиновался более ощутительным призывам своей греховной плоти. Такие категории, как «джура», «хлопец», «малюк», если даже они существовали в более ранний период истории Сечи в том значении, какое им придаёт А. Скальковский и М. Слабченко, в более поздний период, к концу существования Сечи, сливаются в

³⁰ Там же, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 501.

³⁶ Там же, ф. 250, св. 18, д. 61, л. 16.

³⁷ Там же, ф. 250, св. 12, д. 43, л. 94—95.

³⁸ ККАУ. Докладной регистр от 15 марта 1798 г., ф. 250, св. 26, д. 59.

³⁹ «Записки Одесского об-ва, истории и древностей», Т. XIV, стр. 578.

⁴⁰ Скальковский А. «Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII в.», стр. 206. Од. 1845.

³⁰ Слабченко М. «Социально-правовая организация Сичи Запорожской», стр. 234.

³¹ Там же.

³² «Киевская Старина» за декабрь 1805 г., стр. 723.

³³ «Записки Одесского Общества истории и древностей». Т. XIV, стр. 511.

³⁴ ККАУ, ф. 250, св. 23, д. 71, л. 421.

катеорию «находящегося в услужении», экономически зависимого человека.

Нельзя согласиться и с тем утверждением другого автора⁴¹, что в Сечь возможен был доступ лишь реестровым казакам Гетманщины, отнюдь не «мужикам». Конечно, для свободного человека не было препятствий при вступлении в Запорожское «товариство», если не считать номинальной принадлежности к православию. В наказе запорожским депутатам Комиссии Уложения 1767 г., документе сугубо официальном, о приеме в казаки сказано: «В войско Запорожское из разных наций для прожителства и службы малолетними и уже совершенных лет люди приходят, и по принятии ими закона греко-российского и на верность Е. И. В. присяги, записываются в службу и выучивсь совсем как следует регулы казацкой, живут некоторые (в Сечи, в гарнизоне. — В. Г.), прочие же по желанию их и по волюности пожизни идут в Малую Россию, Польшу»⁴². От поступающего, как видно из этого документа, требовалось лишь быть православным и принести присягу. Притом выучка являлась естественным следствием службы в гарнизоне. Заметим, что документ, столь просто представляющий дело вступления в казаки, был составлен в период очень серьезных трений Запорожья с правительством, в обстановке вражды и нареканий по адресу запорожцев. Бывший запорожец Данило Залеский в прошении на имя Черноморского Войскового правительства от 1795 г. о принятии в черноморцы писал, «что он с польских уроженцев завезён в малолетстве в бывшее войско запорожское дядею его родным того же бывшего войска Запорожского куреня Дядьковского атаманом Афанасием Кущем, в коем находился в военном звании с 768 года до разрушения Сечи»⁴³. Черноморский казак Батуриного куреня Еремей Евтушенко «родился... Киевского наместничества Хорольского уезда в с. Поповки от отца помещика бригадира Василия Капниста поданного Дмитрия Евтушенка». В «совершенном возрасте» Евтушенко «пошёл в бывшее войско Запорожское, приписался в Батуринский курень»⁴⁴. Черноморец Дядьковского куреня Василий Верещака «родился... в бывшей Польской области в Подгорских пределах во владениях кн. Апостолика в М. Янковцах от отца тамошнего поданного Степана Швеца... при коих (родителях) воспитался до 10-летнего возраста, а в том возрасте выведен дядею его родным бывшего войска Запорожского козаком Грицком Носом в бывшую Сечь Запорожскую и за приписанием его тамо в тот же курень взял его в свой зимовник, со-

стоящий пониже речки Мокрой, где жил лет восемь»⁴⁵.

Если, с одной стороны, в казаки вступали «мужики», то, с другой — сыновья реестровых казаков не всегда становились казаками, попав на Запорожье. Уже упоминавшийся нами черноморец Игнат Белявский «пошёл в бывшее войско Запорожское для продолжения службы, в коем обращался во услужения по разным людям более 20 лет»⁴⁶. Молчание Белявского о факте приписки к куреню характерно само по себе. Своё социальное положение на Запорожье он определяет не свободным происхождением и не формальным отношением к Запорожскому куреню, а своей экономической зависимостью. Более того: сыновья запорожцев не всегда вступали в казаки. Иван Малый, родившийся от запорожского казака Полтавского куреня Ивана Заварихи, «при коих (родителях) воспитавшись до пятнадцатилетнего возраста и по причине убожества отца его пошёл от оного и жил того войска в разных козаков в заработках годов пять»⁴⁷.

В казаки легко могли вступить иноверцы, принимавшие православие, в частности евреи. Бывший запорожец Степан Моисеев Заводовский в прошении, полученном в Черноморской Войсковой канцелярии 28 февраля 1798 г., писал: «В службу вашею императорского величества вступил я именованный из евреев в бывшее войско Запорожское в курень Ведмедовский козаком прошлого 1763 года»⁴⁸. В удостоверение своих слов Заводовский предъявил аттестат, выданный из коша 24 октября 1769 года. Аттестат в более полном виде представляет биографию Заводовского: «Он Степан Заводовский родился в турецком городе Хотине в законе еврейском, в котором он и жительствовал до 763 года». В том же году абштинтованный полковой есаул Василий Рецетовый, командированный Секретной экспедицией «к вызову в Россию людей иностранных, его Заводовского в Россию вызвал и привезя в Запорожскую Сечь, где с того еврейского закона в веру кафолическую по желанию его Заводовского vykрещен и в число прочих войска Запорожского низового козаков в курень Ведмедовский принят»⁴⁹.

Отмечу также, что запись в курень носила формальный характер. Приписанный оставался в курене только в определённых случаях: прежде всего это была служба в гарнизоне, затем приписавшийся мог проживать в курене, если ему оказывал материальную поддержку кто-либо из казаков или курень, как хозяйственная организация, или он исполнял обязанности хозяйственного и другого порядка. Во всех прочих случаях новопринятый казак избирал себе род занятий на стороне. Часть новопринятых всегда находилась за пределами Запорожья. В лите-

⁴¹ Кириченко М. «Соц.-полит. устр. Запор.», стр. 93—94.

⁴² Скальковский А. «История Новой Сечи» Т. III. Приложения, стр. 14—327.

⁴³ ККАУ. Докладной регистр от 3 июля 1795 г., ф. 250, св. 8, д. 81, л. 84.

⁴⁴ Там же, св. 9, д. 32.

⁴⁵ Там же, св. 8, д. 31, л. 38.

⁴⁶ Там же, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 60.

⁴⁷ Там же, ф. 250, св. 17, д. 60.

⁴⁸ Там же, ф. 249, св. 28, д. 235 л. 1.

⁴⁹ Там же, л. 2.

ратуре отмечалось, что в последний период существования Сечи усилилась приписка к сечевым куреням реестровых казаков из Тетманщины. Такие казаки, числясь запорожцами, проживали очень часто у себя на родине. Они вызывались кошем для участия в войне либо для отбывания других повинностей. Перед войной 1769 г. такие «запорожцы» исчислялись тысячами⁵⁰. Это явление достаточно отражено и в документах Черноморского архиза. Черноморский полковой есаул С. Коломиец в прошении от декабря 1794 г. писал, что его отец ещё в царствование Анны служил в Запорожье, потом вернулся к своему отцу, в местечко Будиче, и по соглашению с управляющим экономией гр. Разумовского нанялся на службу в должность смотрителя «пчелиных заводов», женился и остался там, «однако ж в Запорожском войске был считаем в Полтавском курене». Сын его, проситель С. Коломиец, вступил в 1768 г. в запорожские казаки уже как сын запорожца⁵¹.

Нередкой была приписка к куреню, т. е. зачисление в казаки, малолетних. Упомянутый выше Василий Верещака был приписан к куреню с 10 лет, Иван Зуб — с 11 лет, Онисим Лялим находился в Шкуринском курене «с малых лет» и т. д. Сын реестрового казака из местечка Крылова Миргородского полка Иван Высота попал на Запорожье 10 лет, учился в сечевой школе и впоследствии был учителем, дьячком и, наконец, священником⁵². Приписка в казаки малолетних позже широко практиковалась в Черноморском казачьем войске.

Английский резидент в Санкт-Петербурге Клавдиус Рондо в донесении лорду Гаррингтону от 29 апреля 1736 г. писал: «К званию рыцаря допускаются в их общество только люди сильные и хорошо сложенные, но каждый может быть принят в качестве холопа (choлорр), или слуги, и некоторые держат их по два и по три»⁵³. Иностранец писал, конечно, по слухам, на основании ходячих рассказов. Об описываемых явлениях он имел отрывочное представление. Но характерно, что приём в Сечь он ставил в зависимость не от социального положения вступающего, а от его физических данных, естественно необходимых для военного человека. У Рондо, бесспорно, речь идёт о вступлении в гарнизон.

В последний период существования Запорожья сечевое начальство, надо думать, производило приём новых казаков с оглядкой на запрещения со стороны правительственных властей. Отсутствие каких-либо строгих юридических норм в этом отношении и смущает исследователей, противореча-

щих друг другу в вопросе о правилах приёма в Сечь. Приём в казаки подчинён был требованиям момента. Он был очень простым в военное время, когда Сечь пуждалась в военной силе, и усложнённым в период, например, «Колиивщины» и связанных с ней событий, когда правительственный надзор был очень бдительным, а старшина, справедливо отрякаясь от всякого соучастия гайдамакам, очень щепетильно старалась сохранить свою репутацию в глазах Петербурга.

Всё сказанное позволяет установить следующее: приписка к куреню, т. е. вступление в казаки, отнюдь не означала приема в Сечь, т. е. в состав гарнизона. Последний состоял из профессиональных воинов и имел строго боевое назначение. Для гарнизона был определён, хотя и очень приблизительно, известный комплект. По свидетельству автора XVIII в., «в куренях иногда жило всего несколько сторожей»⁵⁴.

Приём в казаки обычно сопровождался переменной фамилии. Это обычай вполне понятный, если учесть ту обстановку преследований, которым подвергались многие из вступивших в казаки. Обычай этот отвечал целям самосохранения, не более. Придавать ему какой-то особый, ритуальный смысл, наподобие отречения от прежнего имени при вступлении в монахи, нет решительно никаких оснований. Обычай перемены фамилии существовал и в Черноморском войске. Там фамилию менял, как правило, нелегальный люд. Нельзя согласиться с М. Слабченко, утверждающим, что казак, вступая в курень и принимая новое прозвище, «народжувався у ново життя», входил в новую духовную «семью»⁵⁵. К тому же нужно заметить, что не все казаки, вступая в Сечь, меняли фамилии. Упомянутый выше Яблоня носил отцовскую фамилию как на Запорожье, так и на Черноморье. Он был сыном киевского цехмистра. Точно так же сохранил отцовскую фамилию Арчиборзинский и в Сечи и в Черноморском войске; он был сыном шляхтича и т. д.

Д. Эварницкий, распределяя вооружённые силы Запорожья по родам оружия, замечает: «Полагают, однако, что в Запорожском войске только бедные люди служили в пехоте, зажиточные же люди или же люди, внезапно сдобычившиеся на войне конями, всегда переходили в конницу»⁵⁶. Он так определяет назначение пехоты: «Запорожская пехота выполняла тройное назначение у низовых козаков: часть её составляла гарнизон Сечи, т. к. мы видим, что во время прибытия Хмельницкого в Сечь там было 300 чел. гарнизона; часть занимала посты на Днепре на лодках и составляла собой линейную пехоту; часть или вела, в боевое время, с турками, татарами и лахами войну, или же, в мирное время, занималась рыбной

⁵⁰ Рябинін. Складяревський Ол. «Запорізькі бунти дунайців». «Науковий Збірник» за 1927 р. УАН, Т. XXVI, стр. 76. К. 1927.

⁵¹ ККАУ, ф. 250, св. 17, д. '60.

⁵² «Киевская Старина» за февраль 1905 г., стр. 129—130.

⁵³ «Киевская Старина» за ноябрь 1889 г., стр. 4467.

⁵⁴ «Киевская Старина» за декабрь 1889 г., стр. 630—631.

⁵⁵ Слабченко М. «Соціально-правова організація Січі Запорізької», стр. 229.

⁵⁶ Эварницкий Д. Указ. соч. Т. I, стр. 439—440.

и звериною ловлею»⁵⁷. Другой автор, наблюдатель Запорожья XVIII в., подчёркивает: «Пеших козаков не более быть может, как тысяч четыре, должность которых отправляют с них в пехоте всякий не имеющий ремесла и пропитания, бродяга, убегая от работы, за плату из казны 12 руб. жалованья и провианта»⁵⁸. Он противопоставляет пехоте, которая служит «из пропитания», «имущественных людей», «кои от собственного своего капитала исправятся в состоянии». «Имущественные отбывают службу в коннице»⁵⁹. Сечевики находились на казарменном положении, они жили, как указывает С. Мышецкий, «в войсковых куренях»⁶⁰. Н. Корж замечает, что сечевик «в курене безотлучно находится»⁶¹. Д. Эварницкий дал подробное описание сечевого куреня-здания. Судя по его описанию, это типичная казарма, где проживал гарнизонный плёбс—серома. Сечевики были связаны жёсткой дисциплиной, подчиняясь прежде всего куренному атаману. С. Мышецкий говорит, что куренные атаманы имели большую силу, могли бранить и даже бить подчинённых, «понеже у оного атамана всех козаков деньги и платье на руках. Ежели куда послыать, не столько козаки послушны будут кошевому и судье, сколько атаману своего куреня»⁶². Куренной атаман был не только строевым начальником, но также судьёй и управляющим куренным хозяйством. Экономическое положение рядового сечевика было малоотрадным. Его бюджет отличался крайней скудостью. С. Мышецкий, как уже отмечалось, говорит об отсутствии в курене даже «обыкновенного печёного хлеба». Кроме скудного питания сечевик получал денежное жалованье. Персонально размер жалованья был определён только старшим должностным лицам⁶³. Повинному, жалованье рядового сечевика определялось развёрсткой суммы, падающей на курень, по числу состоящих на службе казаков. Размер жалованья, выдававшегося нерегулярно, не превышал, вероятно, 12 руб. в год⁶⁴. Указанная цифра заслуживает внимания потому, в частности, что ей соответствовало и годовое жалованье наёмного казака в Черноморском казачьем войске.

Сечево́й плёбс — серома — так охарактеризован современниками. Секунд-майор Никифоров, описывая серому, присутствовавшую на новогоней раде в 1749 г., говорит,

⁵⁷ Эварницкий Д. Указ. соч. Т. I, стр. 439—440.

⁵⁸ «Киевская Старина» за декабрь 1889 г., стр. 630.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Мышецкий С. Указ. соч., стр. 52.

⁶¹ «Устное повествование бывшего запорожца Никиты Леонтьевича Коржа», стр. 21—22. Ол. 1852.

⁶² Мышецкий С. Указ. соч., стр. 43—44.

⁶³ Слабченко М. «Социально-правовая организация Січи Запорізької», стр. 305—306.

⁶⁴ «Киевская Старина» за декабрь 1889 г., стр. 630.

что рядовые сечевики состояли «из людей, по здешнему называемые сиромахи, не имеющие у себя не точию лошадей или какого скота, но ниже на плечах платья»⁶⁵. Он подчёркивает буйный характер серомы, жгучую пенависть её к богатому казачеству и склонность к расправе с последним. Старожил Недоступа такими словами описал серому: «В січі козаки жили и годувались укупі; тільки одежа була своя в кожного. Купить, було, сорочку, надіне тай носити, поки подере, іноді й пузом світити, звісно голота. Як не було ні жинки, ні дітей, ні худоби, то то й голота»⁶⁶. Тяжкая нужда и бесправие укореняли склонность к пьянству. Н. Корж замечает: «А холостые серомы сей участи больше подвергались, ибо що в лями по рыбальнях или в звериной ловле загоруют, то, все то чрез пьянство скоро и прогаинуют»⁶⁷.

Определяя социальное положение рядовых сечевиков, нужно прийти к выводу, что бедный люд, бездомный и лишённый семьи, в поисках средств к существованию вступал на службу в гарнизон так же, как он нанимался на работу в зимовник, на рыбную ловлю, к чумаку и т. д. Юридическая особенность заключалась лишь в том, что нанимателем выступал в первом случае не отдельный собственник, а Сечь, как юридическое лицо. Следовательно, сечевик — наёмник войска.

Тяжкая доля сечевика-серомахи толкала его вон из Сечи, на запорожский простор. По мере того как место военной жизни заступала мирная, хозяйственная деятельность — в период Новой Сечи по преимуществу, — источником средств к существованию становился только труд. Серома в поисках заработка часто выходила за пределы Запорожья: в Крым, в Турецкие провинции, на Правобережье, в Гетманщину, на Дон и в другие места. А. Скальковский, сообщая интересные данные из биографии Максима Железяки, говорит, что он «неоднократно оставлял курень и аргатовал в низовьях Днепра, шинковал, т. е. продавал водку, в Запорожье или Очакове»⁶⁸.

Отход из Сечи на заработки известен был ещё в период Алешковской Сечи. Один из турецких чиновников писал, что в урочище Карандашон-Ормани «обитают Запорожские казаки (поткали), которые... служили подёнщиками для жителей Очакова, Аккермана, Бендер и Килина... называли их поэтому Тер-Оглу (потееющие парни)»⁶⁹. Отход запорожцев на заработки в Северную Таврию, в Очаковскую область и даже за Днестр и на Дунай особенно усилился после разрушения Сечи. Он не прекращался и после образования Черноморского войска, Часть

⁶⁵ «Киевская Старина» за май 1883 г., стр. 131.

⁶⁶ Там же, стр. 251—252.

⁶⁷ «Устное повествование бывшего запорожца Никиты Леонтьевича Коржа», стр. 21—22.

⁶⁸ Скальковский А. «Наезды гайдамаков на Западную Украину», стр. 71.

⁶⁹ Брун Ф. «Крым в половине XVIII века», стр. 3. Одесса, 1867.

черноморской серомы продолжала по традиции тянуться на заработки за Днестр и на Дунай. Другая часть выходила для тех же целей на Украину. Это были не только чумаки и запорожские купцы: «В мирные годы запорожские казаки, особенно молодые, расходились по деревням целого края, то для гулянок, то для заработков»⁷⁰.

Совершенно нельзя согласиться с Д. Эварницким, утверждавшим, что неженатые сечевики, «кроме войны, ничего знать не хотели»⁷¹. Д. Эварницкий тщательно подчёркивал ту мысль, что сечевик, «лыцарь», ниже своего достоинства считал труд, предоставляя последний женатому казачеству — «сідням», «гніздюкам». По этому поводу он писал: «Сечевий казак отнюдь не хлебороб и не торгош, обрабатывать землю за непрерывной войной он не мог, а заниматься торговлей считал низким делом для себя»⁷². Впрочем, сам же автор и разрушает собственные выводы, приводя убедительные данные о распространении такого явления, как отход сечевиков на заработки⁷³.

Отход на заработки за границу по временам принимал столь обширные размеры, что вызывал беспокойство властей. 8 мая 1754 г. киевский вице-губернатор Кастюрин доносил коллегии иностранных дел, что посланный им в Крым офицер привёл в Сечь «28 человек аргатов и ранжиперов». Из них 4 человека были русскими пленными, «а достальные — великороссияне и запорожские казаки»⁷⁴. 16 июня 1754 г. был издан указ о содержании под надзором в Глухове указанных аргатов и ранжиперов, «дабы паки туда уходить не могли»⁷⁵.

Однако основная масса серомы искала пропитания в пределах самого Запорожья. Объектом приложения её труда были рыболовные тони, широко развитое зимовничанское хозяйство, чумачество и пр. Свидетельства А. Скальковского и Д. Эварницкого об аргатах мы можем дополнить данными Черноморского архива. Черноморец Гординский на допросе в 1795 г. показал, что, происходя из местечка Царичанки, Алексопольского уезда, от малороссийского казака, он в 10-летнем возрасте «пошёл отел в войско запорожское до козака Полтавского Куреня Майбороды, при коем будучи, приписан был в число того войска козаков»⁷⁶. Быть казаком и заниматься на заработки — обычное явление на Запорожье. Приписка к куреню в данном случае лишь легализовала положение пришельца, которому предстояло избрать род занятий.

Разница в социальном положении различных групп рядового запорожского казаче-

ства шла отнюдь не по линии противопоставления сечевика несечевика, а определялась экономическими признаками, отношением того и другого к средствам производства. На Запорожье противостоял богат бедняку, а не сечевик несечевика. Подходя к явлениям с этой стороны, нужно решительно освободиться от тех взглядов, которые стремятся укрепить некоторые современные историки. М. Слабченко, определяя экономическое и правовое положение аргата, исходит из гипотезы, что отношения между казаками прежде всего регулировались нормами военного права. Это военное право, по мысли автора, затрудняло и даже исключало возможность найма на работу одним казаком другого. Отсюда, в частности, автор делает вывод о том, что в большинстве случаев аргат старался найти себе заработок за границей — на Дону, в Крыму, Турции, — а не на Запорожье⁷⁷. Автор утверждает, что сечевик не мог стать на работу к своему «брату-сечевику», поскольку они были равноправны; это равенство, по словам автора, делало сечевика нежелательным работником⁷⁸. Более того: автор склонен в данном случае пренебрегать известными фактами, утверждая, что на основании всё той же казачьей регулы богат-зимовничан не мог отказаться в приюте сечевика-бедняку. В ещё большие затруднения попадал аргат якобы в том случае, когда он приходил на зимовники запорожского старшины: тут уж приходящий оказывался всецело в рамках военной дисциплины. Такие отношения между работником и работодателем отнюдь нельзя привести под тип обычных отношений купли-продажи рабочей силы⁷⁹. Отношения в таком случае между продавцом рабочей силы и её покупателем автор считает необходимым рассматривать с точки зрения феодального права патроната⁸⁰. Дорисовывая эту совершенно утопическую картину, М. Слабченко прибавляет, что такой сиромаха-сечевик питал якобы какое-то специфическое презрение к другому казаку лишь на том основании, что последний занимался хозяйством и мог даже поколотить «гречкосия». Последнее совсем невероятно. Невозможно представить себе скитальца-«бдолоху», который приходит на зимовник, полный люда, работников, и колотит хозяина на том основании, что последний — «гречкосий», а не «лыцарь», «гніздюк» же и «баболоб» в полном сознании своего духовного ничтожества покорно, в угоду автору подставляет «лыцарю» спину. Недоступа в своём эпическом рассказе так изображает взаимоотношения запорожских богачей с серомой: «Статечні козаки по слободах не шанували

⁷⁰ «Киевская Старина» за сентябрь 1882 г., стр. 467.

⁷¹ «Киевская Старина» за ноябрь 1883 г., стр. 493.

⁷² Эварницкий Д. Указ. соч. Т. I, стр. 296.

⁷³ Его же. Сборник материалов для истор. зап. коз., стр. 85—86. С.-П. 1888.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ККАУ, ф. 249, св. 8, д. 31, л. 127—132.

⁷⁷ См. Слабченко М. «Паланкова організація запорозьких вольностей». «Праці Комісії для вивч. зах.-руського та українського права. Укр. Акад. Н., вып. 6. К. 1929, стр. 232.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ «Киевская Старина» за 1893 г., стр. 251—252.

голоты, иноді й духопеліли добре, як сірома зробить яку шкоду»⁸¹.

Подкрепить свои представления о столь идиллических отношениях между богатыми и бедными на Запорожье М. Слабченко никак не удаётся. Действительные факты найма аргата на работу к богатому «товарищу» противоречат такой идиллии, и М. Слабченко придумывает им объяснение: хозяин зимовника якобы гостеприимно принимает зашедшего сиромуха, но... морит его голодом, не делая формального предложения наняться в работники. Аргат не выдерживает такого страшного «этикета» и становится... наймитом⁸². Нет нужды подробно доказывать, что автор, греша фактами, стремится отрицать наём сечевиков на работу к частному владельцу. При этом он ссылается на отсутствие формального договора, отвечающего всем требованиям гражданского кодекса. Действительно, договоров, скреплённых маклером или нотариусом, на Запорожье не было. Тем не менее договор существовал.

Много ближе к истине был В. Антонович. Отмечая органическую связь запорожской серомы с гайдамачеством, он писал, что масса беглых то поступала в Сечь предварительно, чтобы затем идти на заработки, то просто нанималась в зимовники, на рыбные промыслы и т. д. В представлении В. Антоновича, сиромуха — цельный тип запорожца «бідолахи», применявшего свой труд в разных отраслях запорожского хозяйства и как же просто и естественно впадавшего в экономическую зависимость⁸³.

Громадная часть бесприютного люда, сечевиков и несечевиков, применяла свою рабочую силу в казачьих зимовниках, поступая в наймиты. Запорожский старшина Василий Чернявский в 1766 г. писал: «Запорожские казаки имеют некоторые селения, называемые зимовники или хутора, при коих содержат рогатый скот, лошадей и овец; имеют пасеки для расположения пчёл и всякую экономию по свойству и качеству земли; заводят сады и огороды, запасаются сеном для прокормления скота, и засевают поля разным хлебом, упражняются ловлею... зверей, а в реках рыб»⁸⁴. Чернявский насчитывал до 4 тыс. таких зимовников⁸⁵. Конечно, владельцами зимовников были не только старшины. Большая часть зимовников принадлежала рядовым казакам. Если весь штат запорожской старшины, исходя из данных А. Скальковского и Д. Эварницкого⁸⁶, определить, округляя цифры, в 150—200 человек и прибавить к этому числу столько же абшитованной старшины, то в таком случае старшине могло принадлежать

не более одной десятой части всех зимовников. Не следует думать также, что только зимовник старшины был богатим владением, с разветвлённым хозяйством и значительным количеством занятой в нём рабочей силы, зимовник же рядового казака представлял собой лишь среднее, трудовое хозяйство или же бедное, захудалое.

Размер старшинского зимовника, хотя и скудно, описан в литературе⁸⁷. Казачий зимовник освещён в литературе лишь в неясных контурах. Дополняют его характеристику интересные материалы Черноморского архива. Перед нами описание запорожских дворов-хозяйств через 12—18 лет после разрушения Сечи. В жалобах, которые подавали бывшие запорожскими казаками, вступавшими в 1787 г. после учреждения Черноморского казачьего войска, в черноморцы, мы находим интересные сведения. Поводом к жалобам было самоуправство помещиков, закрепостивших запорожцев после разрушения Сечи и теперь не хотевших лишиться своих крестьян. Не имея возможности из-за отсутствия места приводить целиком реестры имущества, приложенные к жалобам, мы ограничимся некоторыми характеристичными данными. Перед нами реестр имущества бывшего запорожца Давида Антонова Карпенко, захваченного помещиком Милорадовичем в 1793 году⁸⁸. В реестре значится 90 наименований различного имущества. Громадную часть его составляют предметы утвари, характеризующие запорожский домашний быт. Но ряд данных показывает размер и характер казачьего хозяйства. У Карпенко было захвачено 4 пары рабочих волов, 3 из них с возами, 13 коров, из них 6 с телятами, 7 телушек, 12 быков и бычков разного возраста, 18 овец, из них 8 с ягнятами, пасака, 11 четвертей разного хлеба в амбарах и около 107 четвертей на гумне. Общая стоимость захваченного определялась суммой в 2202 руб. 67 коп. по курсу того времени.

В данном примере хозяйство бывшего запорожца представлено отнюдь не в полном виде. В реестр не вошли дом, хозяйственные постройки и та часть имущества, которая не была захвачена помещиком. Дополним этот пример данными об имуществе бывшего запорожца Демьяна Лейки, типичного «лышаря», холостяка, поступившего в черноморцы. У Лейки захватил имущество помещик слободы Водополья, Новомосковского уезда, Леванидов. Захваченное имущество выглядит весьма внушительно: 20 волов, 12 быков, 36 коров, из них 15 с телятами, 60 старых кобыл с жеребятами, 40 яловых кобыл, 23 кобылицы по третьему году, 22 жеребца, 30 годовых жеребят, пасака в 22 пня и «невод с дубом и припасом». Это имущество потерявший оценил в 3858 руб. 50 коп.⁸⁹. У бывшего

⁸¹ Там же.

⁸² Слабченко М. «Паланкова організація запорозьких вольностей», стр. 233.

⁸³ Антонович В. «Исследование о гайдамачестве», стр. 25—26, 37—38. Киев. 1876.

⁸⁴ Мышецкий С. «История о казаках запорожских». Приложение, стр. 81—82.

⁸⁵ Там же, стр. 61—62.

⁸⁶ Эварницкий Д. Указ. соч. Т. I, стр. 217.

⁸⁷ Скальковский А. «История Новой Сечи». Т. I, стр. 246; Эварницкий. Указ. соч., Т. I, стр. 470—471; Слабченко М. «Паланкова організація запорозьких вольностей», стр. 231 и др.

⁸⁸ ККАУ, ф. 249, св. 29, л. 238, л. 2—4.

⁸⁹ Там же, св. 3, д. 18, л. 274.

запорожского казака Никифора Щепотнина помещик кн. Вяземский захватил в слободе Покровской имущество, оценённое в 4720 руб.⁹⁰; у Щепотнина, кроме лошадей и скота, были отобраны 2 двора с избами и хозяйственными постройками, 2 мельницы, водяная и ветряная, и 40 свиней. У бывшего запорожца, походного атамана Батуринского куреня Ивана Щепотника было захвачено имущество на 3009 рублей⁹¹. Примеров подобного рода можно привести сотни.

Наблюдения над характером и размерами хозяйства запорожских казаков и старшин опровергают распространённый предрассудок, будто запорожская старшина составляла какую-то касту, особый в экономическом отношении слой. Напротив, она, можно смело сказать, сливалась с верхними слоями казачества, причём в отдельных случаях хозяйства рядовых казаков были много крупнее хозяйств старшин.

Казачьи зимовники были весьма различны по своим размерам. Наряду с зимовниками типа хозяйств Карпенки, Лейки, Щепотника были зимовники средние и даже мелкие. Однако ведущая роль в экономике Запорожья принадлежала крупным зимовникам.

В старшинском и мощном казачьем запорожском зимовнике производство сгорело на паённом труде. В этом отношении интереснейшие цифры даёт ведомость о числе населения в слободах и зимовниках по левую сторону Днепра, представленная Текелем вскоре после разрушения Сечи⁹². В этой ведомости по Самарской паланке числится 725 зимовников и, если пренебречь одной дефектной записью (по р. Кильчени в графу казаков включены и «земледельцы»), 1326 живущих в них казаков. Число работников не дано отдельно, в шести случаях работники объединены с «земледельцами», и в одном случае в 13 зимовниках исчислены только «земледельцы». Исключив 7 указанных дефектных записей, получим, по Самарской паланке, на 597 зимовников 1043 работника. Следовательно, на зимовник в среднем приходилось 2 работника-мужчины. Если учесть, что, кроме работников-мужчин, в ведомости значатся семьи работников — с женами и детьми, — то процент работников на зимовнике повысится. Разделив же общее число мужчин-работников на суммарное количество казаков и земледельцев, получим около одного работника на одного казака и земледельца.

По Лычковской паланке числятся 49 зимовников, и в них 46 казаков и 219 работников. Следовательно, на зимовник приходилось около $4\frac{1}{2}$ работника-мужчины. По Протовчанской паланке числится 52 зимовника, и в них 82 казака (в одном случае казаки внесены в одну графу с «земледельцами») и 42 работника-мужчины. Таким образом, в данном случае на зимовник приходилось менее одного работника. Заметим, что работники числятся во всех селе-

ниях, внесённых в данную ведомость, за единичными исключениями.

Работники применялись, следовательно, не только в хуторском зимовническом хозяйстве. Количество работников на зимовниках и в слободах колебалось в зависимости от сезона, но, бесспорно, существовали и кадры постоянных наймитов. Это подтверждается не только тем, что некоторые работники получали годовую оплату, но и тем, что они жили у нанявшего их со своими семьями. Думаю, что данные о числе работников, приведённые в ведомости Текелия, не могут считаться характерными. Разрушение Сечи и связанные с этим обстоятельства вызвали значительное возмущение люда на Запорожье. Часть сиротам бежала за пределы Запорожья, часть скрывалась. В ведомость Текелия попал лишь строго легальный люд. В действительности же в нормальное время работников на зимовниках было значительно больше. В заключение небезынтересно познакомиться с отзывом старожила о наплыве работников в зимовники из Украины. «Перед руйнуванням Січі, — говорить Недоступа, — народ так валом і валив на Запорожжя, утечебуло з під пзна тай прибіжити на зимовник до козака: «Прийміть, батьку». «Тай живи, спасибі тобі, що прийшов». А той живе молодиком на зимовнику у запорожця, а як який і жінку візьме и зимовник свій поставе, а далі й другий хто оселиться коло його. Отак собі було і сяде слобдочка. В Січ мало хто тоді із утікачів приставив»⁹³.

Наём работников на Запорожье получил широкое распространение и в рыболовстве. Вопрос об организации труда в этой отрасли в своё время вызвал значительный интерес. А. Ефименко настаивала на существовании артельного принципа организации труда⁹⁴. К такому воззрению склоняется и Д. Эварницкий⁹⁵. С наибольшей полнотой народнические взгляды на этот предмет выражены у Ф. Щербины⁹⁶. М. Слабченко склоняется к взглядам А. Ефименко⁹⁷. По мнению А. Скальковского, рыболовные предприятия содержались «козаками-господарями». Господари составляли товарищество, члены которого назывались «односумами». Последние нанимали на работу «тафу» — группу рабочих. Д. Багалея, повторяя слова А. Скальковского об односумах, пишет следующее: «Обыкновенно во время лова сюда приходили по 15—20 чел. посторонних лиц, которые оставались тут до зимы; некоторые, впрочем, оставались и на зиму, хотя без работы»⁹⁸.

⁹³ «Киевская старина» за май 1893 г., стр. 251—252.

⁹⁴ Ефименко О. «История украинского народа». К. 1922.

⁹⁵ Эварницкий Д. Указ. соч. Т. II, стр. 63 и др.

⁹⁶ Щербина Ф. «Очерки южно-русской артели», стр. 182. Одесса, 1880.

⁹⁷ Слабченко М. «Социально-правовая организация Січи Запорізької», стр. 317.

⁹⁸ Багалея Д. «Колонизация Новороссийского края». «Киевская Старина» за январь 1889 г., стр. 26. См. также «Записки

⁹⁰ ККАУ, ф. 249, св 3, д. 18, л. 249.

⁹¹ Там же л. 225.

⁹² «Летопись Екатеринослав. Уч. Арх., К-ссии». Т. I, стр. 117—134.

Принципы организации запорожского рыболовства легко понять, если обратиться к организации рыболовных заводов непосредственно после разрушения Сечи, например, в 80—90-х годах XVIII в., когда заводы были передвинуты по преимуществу на бугские и днепровские лиманы. Рассмотрим ведомости о воинских поселениях Херсонского уезда, бывших запорожцах, исключённых казённой палатой ввиду поступления их в черноморцы; она составлена в 1790 г. и представляет собой реестр хозяев и работников. При 18 хозяевах числится 302 работника. Из хозяев только у Павла Павлова Кравца был один работник, у Якова же Григорьева Тимошенко — 7 работников, а у Нарывая и Вергуна — по 8 работников у каждого. Остальные хозяева имели в среднем от 11 до 40 работников. У Остапа Ивановича Носа, например, было 40 работников. Внизу ведомости приписано дополнительно 170 бурлаков⁹⁹, которые в отличие от работников записаны общим числом, без указания имён, прозвищ и возраста. Приложение к ведомости разъясняет социальное положение хозяев: это поселяне из Станиславова, «которые находились при лиманских заводах и Таврической области при соляных озёрах». О работниках и бурлаках прямо сказано, что это «зашедшие из Польши и из других мест бурлаки, кои выжив по договорам их в работниках свой термин, одни возвратились на свои жилища и по неизвестным местам разбрелись, а другие в войско верных казаков черноморских вошли»¹⁰⁰. В приложенном другом списке жителей местечка Станиславова числится 49 хозяев с 679 работниками¹⁰¹. Заметим, что из 18 хозяев первого списка 2 семейных; из 49 второго списка 7 семейных. В первом списке при 2 работниках числится семья, во втором — при 5. Перед нами типичные «господари»-рыбопромышленники, отношения которых к рабочей силе основаны на договорах, заключённых на известный «термин». Более подробно запорожское рыболовство, с точки зрения применения в нем наёмных работников, может быть показано при характеристике рыболовства черноморских казаков.

Наём работников применялся на Запорожье и в чумацком промысле. Известный разбойник Семён Гаркуша в бытность свою запорожцем чумаковал. Вначале у него было 6 пароконных возов, а позже — 10 повозок с 40 лошаадьми при них¹⁰². Ясно, что он не мог обходиться без работников. Запорожец Микита Зубенко чумаковал с 30 волами, 2 лошаадьми и 7 работниками¹⁰³. Чумачество продолжалось на Запорожье после разрушения Сечи в тех

же формах. При образовании Черноморского войска оно, естественно, нашло себе там законное место. Наряду с чумаками, располагавшими одной—двумя парами волов, мы встречаем бывших запорожцев, чумаковавших с работниками.

На Запорожье, как и на Украине, существовали различные ремесленники, бравшие к себе других «в науку». Черноморский казак Уманского куреня Г. Кравец, сын реестрового казака Лубенской сотни, в 15-летнем возрасте был завезён на Запорожье в свободу Петровку, при р. Ингульце, «в коей побудил у жителя Андрея Кравца в науке портническому рукомеслу с год отошёл и обращался по разрушению того года Запорожского войска по селениям... в заработках»¹⁰⁴. Кроме одиночек-ремесленников-портных существовали целые мастерские, содержавшиеся запорожцами-предпринимателями. Н. Корж, рассказывая о казаке Глобе, известном богаче, говорит: «Сей Глоба был не женат и перешедши сюда на жительство из Новых Кодак, в кои имел он... до 15 человек портных»¹⁰⁵.

Наёмничество не только проникло в важнейшей сферы хозяйственной жизни Запорожья, но, что всего любопытнее, привилось в специфической области — отправления военных обязанностей. В последний период существования Сечи стала практиковаться посылка наёмников — казаков и просто работников — взамен личной военной службы. При этом наёмники выставлялись как в мирное, так и в военное время. Выразительные данные об этом дают материалы Черноморского архива. Упомянутый выше Анисим Лалим в своём прошении от 1799 г. о зачислении в черноморцы рассказывает: «...находился он в бывшем войске Запорожском с малых лет в Курене Шкурииском, а когда пришёл в совершенство лет, то по отряду был в Крымском походе за казака куреня Шкурииского Григория Хижу»¹⁰⁶. Из свидетельства, хранящегося в деле, отношения между Лалимом и Хижей выясняются очень отчётливо: «Свидетельство: Дано сие куреня Шкурииского бывшего Запорожья козаку Онисиму Лалиму в том, что знаем с малых его лет, что он был в войске Запорожском и находился во услужении при козаку того же куреня Григорию Хижю, с которым по отряду от того войска был в Крымском походе и обращался всегда в честном его поведении, но уверение чего и подписом утверждаем. Атаман поручик Михайло (фамилия неразборчива). Старшина полковой есаул Сидор (фамилия неразборчива), козак Василий Квитка, Куликовский»¹⁰⁷. Черноморец Василий Дегтярь в 15-летнем возрасте ушёл от своих родителей (из местечка Варвы, Прилуцкого полка) «в войско Запорожское и нанялся во услужение того войска у козака Якова Яцка и жительствау при нём лет

Одесского Общества истории и древностей». Т. VII, стр. 182—188.

⁹⁹ ККАУ, ф. 249, св. 10, л. 83, л. 144—153.

¹⁰⁰ Там же, л. 152—153.

¹⁰¹ Там же, л. 238—254.

¹⁰² «Киевская Старина» за март, 1883 г., стр. 532.

¹⁰³ Тищенко «Нариси Торговлі Лівобережної України з Кримом». «Исторично-геогр. Збірн». Т. II, стр. 122. К. 1928.

¹⁰⁴ ККАУ, ф. 250, св. 18, л. 61.

¹⁰⁵ Корж Н. «Устн. повест.», стр. 57—

¹⁰⁶ ККАУ. Докл. рег. Гражд. экспед. от 11 августа 1799 г., ф. 250, св. 12, д. 43, л. 94—95.

¹⁰⁷ Там же, л. 78.

с пятью был с ним в походе под Очаковым и в др. местах»¹⁰⁸. Черноморец Андрей Дегтярь «был во услужении у козака куреня Пластуновского Фёдора Третьяка лет с восемь, с коим был в походе под Очаковым и в др. местах»¹⁰⁹. В 1795 г. возникло дело о задержании семейства черноморского полкового старшины прапорщика Гординского помещика Новомосковского уезда, Екатеринославского наместничества, капитаном Клевцовым. По этому делу властями было допрошено отец прапорщика Гординского Михаил Гординский (он же Мужик), бывший запорожец, а также бывшие запорожцы подпоручик Малый, прапорщики Шепотинник, Шам, полковые есаулы Михайло Головка и Ковалевский. Допрошенные под присягой показали, что «означенный Михайло Гординский за существования бывшего Запорожья жительствовавал на принадлежащей тому войску земле зимовником и был записан в курене Полтавском в числе козаков, и когда перед разрушением Сечи Запорожской начала открываться с турком война, то он, Михайло, был от коша командирован в команду для защищения от набегов появлявшейся на запорожской земле турецкой орды, в коей команде находился более полугода, в других же походах и сражениях нигде не был, а оставался дома». Прапорщик Гординский в прошении, повторяя изложенное, добавил, что отец его действительно в других походах не был, «а посылал вместо себя наёмных козаков»¹¹⁰. Известен рассказ Россолоды, приводимый Д. Эварницким: отец Россолоды сперше... букв служкою, у Перебийниса: так-то він був служкою, бачив ту Січ, ходив і на війну»¹¹¹. Черноморский козак Конюховского куреня Павел Нестеренко пришёл из Киевского наместничества «в бывшее войско Запорожское, приписался в Джерелиевский курень, поселился зимовником над р. Самарой в уроч. Хашевкиа, перевёз туда всё своё семейство и имущество и, «тут жительствуя, во время бывшей с турком прошлой войны посылал от себя на службу в конную команду козака»¹¹².

Это явление стало обычным в последний период существования Сечи. В действительности не было юридических преград в приписке к куреню, т. е. к переходу в казачье звание для работника. Точно так же, как видно из приведённых далее данных, козак просто, без всяких формальностей, при выходе из Сечи мог стать работником. О первом явлении современники повествуют как о стереотипе. По показаниям черноморца Петра Деревянченко, данным в 1795 г., он по прибытии на Запорожье «находился первый у одного Скакуна (казака, с которым пришёл на Запорожье. — В. Г.), в услужении, а потом в бывшую с турком войну в

походе в стороне Очакова и др. мест до заключения мира». Хотя Скакун, заметим кстати, подтвердил его службу, но это обстоятельство ни в коей мере не вызвало сомнений у властей в том, что Деревянченко — бывший запорожский козак¹¹³. Во время войны 1769—1774 гг. это явление приобрело такие размеры, что кошевое начальство вынуждено было издать специальное запрещение. Повидимому, оно руководствовалось соображениями двоякого рода: во-первых, заботой о воинской квалификации казака, в особенности если последний служил в коннице; во-вторых, о благонадёжности наемника. Во время войны 1769—1774 гг. были, как известно, случаи массовых побегов казаков из строя. Наемник, угнетённый в экономическом отношении, переносил классовый протест, естественно, из зимовника и «заброта» в запорожский полк. Известен «бунт» казаков в отряде полковника Афанасия Колпака во время войны 1769—1774 гг., едва не стоивший жизни последнему. 11 марта 1774 г. кошевой Калнышевский в ордере, ссылаясь на существующую практику, писал: «Кочубей и пешие козаки многие не сами хозяева, но наймиты в походе были, так потому строжайше предлагем... казачьим атаманам крепчайше подтвердить, чтоб они когда повелено будет в поход выступать, самих хозяев, а не наймитов конных и пеших высылать, опасаясь им и вам за неисполнение крепчайшего штрафа»¹¹⁴.

Посылка наемников взамен личной службы не была исключительным явлением, присутствующим одному Запорожью. Она существовала в Бугском казачьем войске, образованном в 1769 году. В записке от 1801 г. Александру I генерал Михельсон предлагал вернуть бывших бугских казаков в прежнее состояние, под условием, «чтобы служба отправлялась по очереди и лично, без всяких наймов и заменов»¹¹⁵. Наём существовал и в Елисаветградском пикинерном полку. Во время следствия в 1798 г. об определении социального происхождения черноморца Тимофея Бундюка, последний показал, что до разрушения Сечи он был сыном запорожского поселянина, по разрушении Сечи был отдан в рекруты и «находился в Елисаветградском пикинерном полку два года, а потом оставя по себе по найму пикинера сам наём оставался в том селении по прежнему»¹¹⁶. Наём казаков как вполне установившееся явление был перенесён с Дняпра в Задунайскую Сечь. Старый задунайский запорожец Ананий Коломнец, вступивший в Сечь около 1811 г., рассказывал, что сам он «на серба не ходив, наймав за себе козака»¹¹⁷. Совершенно справедливо по этому поводу Ф. Кондратович замечает, что практика по-

¹¹³ Там же, св. 3, д. 6, л. 35.

¹¹⁴ «Исторический журнал» № 2 за 1938 г., стр. 81—82.

¹¹⁵ «Киевская Старина» за декабрь 1887 г., стр. 601.

¹¹⁶ ККАУ, ф. 250, св. 17, л. 60. Листы не нумерованы.

¹¹⁷ «Киевская Старина» за 1883 г., Кондратович Ф. «Задун. Сеч. по мест. восп. и рассказ.»

¹⁰⁸ ККАУ, ф. 250, св. 5, д. 21, л. 221.

¹⁰⁹ Там же, л. 224.

¹¹⁰ Там же, ф. 242, св. 5, д. 31, л. 127—132.

¹¹¹ Эварницкий Д., «Жизнь Зап. каз. по рассказам очевидцев». «Киевская Старина» за ноябрь 1883 г., стр. 498.

¹¹² ККАУ, ф. 250, св. 9, д. 32. Листы не нумерованы.

ставки казака по найму, взамен личной службы, применялась «особенно людьми, полагавшими известными средствами»¹¹⁸. Позже, во втором и третьем десятилетиях XIX в., замена личной службы наймом казаков имела место в Кавказском линейном казачьем войске¹¹⁹.

При образовании Черноморского казачьего войска этот наём приобрёл уже характер явления, не только общепризнанного, но и поощрявшегося начальством. Преемственность этого института может считаться бесспорной. Прослеживая биографии отдельных запорожцев, ставших позже черноморцами, мы можем констатировать это с полной отчетливостью.

По аналогии с порядками Черноморского войска можно определить с приблизительной точностью условия найма казака. Хозяин обязан был снабдить наёмника лошадей, если последний отправлялся в конницу, вооружением, одеждой, харчами и выплатить определённую сумму денег. Вероятно, размер денежной платы колебался в зависимости от разных условий и, в частности, от того, направлялся ли наемник на войну или тѣс внутреннюю службу. В конце XVIII в. и начале XIX в. в Черноморском войске размер денежного вознаграждения в среднем составлял 6 руб. в год в пехоте и до 12 руб. в год в коннице¹²⁰. Характерно, что сумма 12 руб. фигурирует в показаниях современников Запорожья, хотя речь идёт в данном случае о плате «12 руб. жалованья и провианта» «из казны», т. е. о найме на службу в сечевой гарнизон¹²¹. Приняв эту плату условно за среднюю и сравнив её со средней оплатой работника в сельском хозяйстве¹²², можно признать, что для запорожской серомы наём на военную службу иногда был выгоднее, чем наём к хозяину в зимовник или свободу. Можно поэтому согласиться, с существенными оговорками, с отзывом Недоступы: «Голота не держалась по зимовникам, — сиромахам найкраще жилось у Сичі... там вона (голота) и право свое мада»¹²³.

Таким образом, отчетливо вырисовывается социальная роль серомы на Запорожье как в хозяйстве, так и в военном строю. С экономической точки зрения, не было существенных различий между такими группами, как например, сечевики, служившие из-за пропитания в гарнизоне, аргаты, оставлявшие гарнизон и нанмаившиеся на работу в хозяйство,

наймиты, работавшие в хозяйстве, наёмники — наймиты в военной службе — и т. д. Вместе с мелким казачеством и посполитыми серома составляла основную производительную силу Запорожья. Её трудом создавались богатства старшины и крупного казачества, её кровью добывалась громкая военная слава Запорожья. Особенностью в положении серомы было то, что она, формально равноправная, свободно или почти свободно, входила в военную организацию Запорожья. Свообразные традиции внутреннего устройства Сечи давали ей известную организацию. Участвуя в куренных и войсковых рядах в обсуждении дел и в выборе административной, серома, даже при том развале демократических учреждений, какой имел место в конце существования Сечи, имела возможность оказывать известное давление на господствующие эксплуататорские слои Запорожья. Отсюда, естественно, серома ревниво должна была охранять старшину, старые, демократические принципы. Тёмная, эксплуатируемая в хозяйстве и на военной службе, серома часто и активно выражала свой классовый протест. Стоит вспомнить лишь восстания Корсунского куреня в 1768 г. и запорожских моряков на Дунае в 1771—1774 гг., «бунт» в отряде полковника Котшака во время войны 1769—1774 гг. и т. д. Серома громила также зимовники старшины и богатых казаков. В Сечи постоянно вспыхивали «бунты», «запорожская сиромашня... пускалась... на грабѣж добра «базарных». Богачи, защищая своё имущество, «вооружались... противные стороны схватывались... и нередко дело доходило до жестоких драк и убийств»¹²⁴.

Предлогом и способом организации классовых выступлений серомы были сечевые рады, созываемые для выборов старшины. Последняя, действуя совместно с богатым казачеством, находила много способов наложить узду на серому. Нужно учесть то обстоятельство, что на выборах в Сечи могла присутствовать только сравнительно ничтожная часть серомы, именно та, которая входила в состав гарнизона. Главная её масса обычно была вне Сечи — на заработках. Накануне выборов старшина спаивала серому, прибегала и к другим средствам «внушения», реакцией на которые было «буйство» серомы, часто завершавшееся кровопролитием.

Запорожская серома в период Новой Сечи играла выдающуюся роль. Обездоленные низы украинского народа видели в сероме своих братьев, своих героев. Серома монополизировала и сконцентрировала в себе все лучшие качества запорожца-казака. Она была носителем славных демократических традиций Запорожской Сечи. Абстрактный образ героя-запорожца в народном поэтическом творчестве находит прочную опору в исторической действительности.

¹¹⁸ «Киевская Старина» за 1883 г., стр. 39.

¹¹⁹ Дебу И. «О кавказской линии и присоединении к ней черноморского войска», стр. 89. СПб. 1829.

¹²⁰ ККАУ, ф. 250, св. 9, д. 32 и др.

¹²¹ «Киевская Старина» за декабрь 1889 г., стр. 630.

¹²² Не превышавшей, по свидетельству М. Слабченко, 3 руб. 50 коп. в год. См. Слабченко М. «Паланкова организация запорожских вольностей», стр. 235.

¹²³ «Киевская Старина» за май 1893 г., стр. 251.

¹²⁴ Эварницкий Д. Указ. соч. Т. 1, стр. 217.